

Татьяна МИХАЛКОВА

МОЕ ДЕТСТВО

Сегодня мне семьдесят три, и уже с половины восьмого утра я принимаю телефонные поздравления. Я никуда не пошла, не стала заниматься уборкой и готовкой, а просто положила рядом мобильный и городской телефоны и исправно отвечаю на звонки. Они самые разные: звонят родные, соседи, коллеги и ученики мамы, друзья юности и зрелых лет, но, конечно, самые приятные звонки друзей детства, а такие друзья у меня еще есть.

Воейково. Предыстория

Детство мое прошло в поселке Воейково Всеволожского района Ленинградской области. Это бывшая деревня Сельцы, где до войны проживали русские, эстонцы, но в основном финны. После снятия блокады Ленинграда постановлением Правительства РФ здесь решено было возродить загородную базу Главной геофизической обсерватории (ГГО) (прежняя до войны находилась в Павловске — тогда Слуцке — и оказалась полностью разрушенной еще в начале немецкой оккупации в сентябре 1941 года). В Павловске мой дедушка по линии мамы, Николай Николаевич Калитин, работал директором Института актинометрии и атмосферной оптики.

В августе 1944 года дедушка, бабушка и моя будущая мама, которой тогда исполнилось только восемнадцать лет, вернулись из эвакуации (поселок Косулино Свердловской области), их привезли не в Ленинград (где семья Калитиных имела городскую квартиру), а прямо в Сельцы — требовалось как можно быстрее воссоздать подобие павловской системы наблюдений.

В домах, построенных военными еще до начала Великой Отечественной войны, Калитиным выделили казенную площадь, и дедушка представил проект нового Павильона актинометрии, строительство которого быстро превратило заштатную деревеньку в научный городок. Развивалась инфраструктура — в домах военных поселились бывшие сотрудники Павловской обсерватории, но большая часть построек приспособлялась под нужды геофизики и метеорологии. В 1949 году торжественно отмечался столетний юбилей Геофизической обсерватории, и Сельцы переименовали в Воей-

Татьяна Кирилловна Михалкова родилась в 1950 году в Ленинграде. Окончила в 1972 году филологический факультет ЛГУ (филолог-германист). Преподавала в Академии театрального искусства. Была редактором муниципальной газеты «Колтуши» Всеволожского района Ленинградской области. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Член Союза художников России. Член-корреспондент Академии гуманитарных наук. Опубликовано пять книг прозы и две книги стихов. Печаталась в журнале «Санкт-Петербургский университет», в литературно-художественном журнале «Сфинкс», в сборниках «Стихам все возрасты покорны», «Свидетельства времени», в газетах «Литературный Петербург», «Литературная газета» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

ково в честь известного климатолога Александра Ивановича Воейкова. Он в Сельцы, правда, никогда не заезжал, умер за год до революции, да и делать там ему было совершенно нечего — повторяюсь, что до 1944 года Сельцы оставались обычной деревней. Наименование поселка — дань уважения и признания заслуг Воейкова перед наукой.

Николай Николаевич Калитин приходил посмотреть, как строился по его проекту Павильон актинометрии, но до открытия здания не дожил — война и блокада сделали свое дело. Заслуженный деятель науки, почетный полярник, председатель Постоянной актинометрической комиссии (ПАК) Н. Н. Калитин умер в августе 1949 года. Павильон актинометрии начал работать четыре года спустя, в 1953-м. Ученого похоронили рядом с его строящимся детищем — могила существует и поныне и взята на федеральный учет.

Оля К.

После смерти бабушки моя мама вскоре вышла замуж, и в 1950 году родилась я. Бабушке в память о бабушке выделили в Воейкове участок для дачного дома, и вскоре образовался целый «куст» стандартных сборно-щитовых домов сотрудников обсерватории. Дети этих сотрудников и стали моими самыми ранними друзьями.

Деловитая, рассудительная Оля К. и ее старший брат Володя проживали с родителями и бабушкой по улице Северной, которую всю занимали обсерваторцы. Эта улица была чуть ли не единственная в поселке, которая имела в начале 60-х название. Правда, семья Оли жила не в деревянном щитовом доме, а в солидном каменном, двухэтажном. Володя увлекался футболом, а Оля — математикой. Впоследствии она стала студенткой матмеха ЛГУ. Математиком была и мама Оли, а папа работал в ГГО, возглавляя отдел атмосферного электричества. Эта дружная, крепкая семья завела на участке возле дома прекрасный сад и огород. Огородом занималась мама Оли, а папа увлекался цветоводством. Олю с детства приучали к обязанностям хозяйки, жены, матери, которые следовало обязательно совмещать с престижной работой, и именно так все и сложилось у нее в последующей жизни. Но когда мы были детьми, головы наши были еще не забиты амбициозными планами: мы играли.

ТМОК

Я и Оля образовали «тайное общество», оно называлось ТМОК — по первым буквам наших имен и фамилий. Конечно, у всех нас в городе имелись телефоны, но мы писали друг другу открытки, где намечали план действий. Что же нас волновало? Как выгуливать Олиного пса, которого звали Боб Карлыч. Как совершить по поселку пятнадцатичасовое дефиле на велосипедах. Что посадить на «своей» грядке весной. Что выращивала Оля, я не помню, я же придерживалась сугубо цветочного направления: росли махровый многолетний мак, душистый горошек и цветок с сакраментальным названием «разбитое сердце».

Но это было не главное. Главным являлась «художественная декламация». Я читала стихи, а Оля становилась за моей спиной и с помощью затейливых движений рук устраивала мимическое сопровождение излагаемому. Больше всего мы любили представлять стихи Сергея Михалкова «Про Бориску». «Ровно восемь раз подряд бьет уса-тый циферблат. Звонко плещет умывальник. Слышны робкие шаги. И тогда на коврик в спальне выползают две ноги. Это значит встал Бориска, а Бориске восемь лет...» Оля изображала, как бьет циферблат, как плещется умывальник, а также ноги Бори-

ски, вылезаящие на ковер. Мы очень гордились этим своим «эстрадным номером», ведь мы его придумали сами, и он казался нам совершенством.

Позже мы перешли к стихам «Про кота и про кита» Бориса Заходера — каждый читал по строчке и так до конца: «Вот что сказка говорит: жили-были кот и кит. Кот огромный, просто страшный, кит был маленький, домашний. Кит мяукал, кот пыхтел. Кит купаться не хотел, как огня воды боялся — кот над ним всегда смеялся...» С большим удовольствием Оля декламировала финал этой загадочной истории: «Кто-то против всяких правил в сказке буквы переставил: переправил „кит“ на „кот“, „кот“ на „кит“ — наоборот». Мы довольно долго «держали» наш союз ТМОК, и только в старших классах школы он распался естественным путем, так как изжил себя — беззаботные девчушки становились барышнями.

Наши игры. Чем кончилась для меня игра в бадминтон

Конечно, играли мы в основном летом. Играли в штандер, в лапту, «море волнуется», «я садовником родился», в «казаки-разбойники», в пятнашки, прятки. После экскурсии в городок Павлово (там Иван Петрович Павлов проводил эксперименты на собаках и обезьянах в 30-е годы и располагался филиал Института физиологии РАН) узнали, что на досуге Павлов любил играть в городки, и попытались организовать что-то подобное. Успеха затея не имела.

Записались в местный воейковский клуб обучаться игре в настольный теннис, но дело не пошло, зато новомодный бадминтон пришелся по душе. К сожалению, для меня игра в бадминтон кончилась плохо. Как-то раз мы играли «командами» — по парам, и моя напарница случайно заехала мне ракеткой по лицу. Получилось кровоизлияние глаза — он стал совершенно красным. Меня поместили в глазную больницу на Моховой улице. Ко времени моего приезда туда все отделение уже знало, что сейчас появится новая пациентка — контуженная (дети говорили «конфуженная»). Я росла домашним ребенком и впервые оказалась вне дома.

Больницу я переносила плохо, я совершенно не могла спать по ночам и написала маме записку с просьбой поскорее забрать меня оттуда. Мама мне ответила письмом, в котором возмущалась не моим поведением, а тем, что в короткой своей записке я умудрилась сделать четыре орфографических ошибки! Но верная моя подруга по ТМОК Оля К. приезжала навестить меня. Правда, ее не пустили. Но она смогла передать мне передачку и даже поговорить с моим лечащим врачом. Вскоре кровоизлияние рассосалось, зрение восстановилось до единицы, и я поехала домой.

Настольные игры. Блошки

Во времена моего детства особой популярностью пользовались настольные игры. Прекрасно помню, как играли в кегли с волчком, крокет, лото (мы называли его «бочоночки»). Я очень любила игру «в блошки». Вся игра размещалась в маленькой коричневой пластмассовой коробочке. «Блошки», внешне напоминавшие таблетки или конфеты драже, были четырех цветов: голубые, зеленые, желтые и красные. В каждом наборе по пять блошек и одна «бита». На столе расстилалось байковое одеяло, и игроки по очереди пытались забить блошку в коробочку, стоявшую на равном расстоянии от каждого из играющих. Забивать следовало нажимая битой на одну из блошек. Если блошка попадала в коробочку, разрешался еще один ход. Блошку противника

можно было «съесть», наскочив на нее своей блошкой, тогда тоже разрешался до-полнительный ход. Победителем считался тот, кто раньше забьет все свои блошки в коробочку, а проигравшим тот, у кого осталось незабитыми больше блошек, или тот, у кого больше блошек съели. Но мы редко «ели» блошки противника, мы были невинными и любили честную игру. Обычно играли двое или трое на нашей веран-де за обеденным столом. На клеенку расстилалось тоненькое розовое байковое оде-яло. Бабушка приносила нам оладьи с домашним вареньем, гостям чай, а мне пар-ное «пятичасовое» молоко, которое я обязана была пить каждый день. Я не люби-ла молоко, но вынужденно выпивала кружку — я боялась насмешек подруг-чаевниц и не капризничала.

Кегли и крокет

В плохую погоду (а во времена моего детства лето часто бывало дождливым и сы-рым) мы, девчонки, собирались у нас на веранде и играли, кроме блошек, еще во мно-жество всяких настольных игр. Я любила «кегли» — маленькие, деревянные, резные, они расставлялись на клеенке как можно более причудливо. Игрок «запускал» вол-чок, тоже деревянный; кто собьет больше фигур, тот считался выигравшим. Случа-лось порой, что оставалась одна-единственная кегля, которую никак никто из игроков (а число играющих не ограничивалось) не смог сбить, в таком случае побеждал тот, кому это удавалось сделать. Если же кегли падали быстро и не всем игрокам пришлось поучаствовать в соревновании, запускался новый кон, который открывали не играв-шие в предыдущем. Призы ждали тут же, в уголке стола, обычно это были ягоды, ле-денцы или домашняя выпечка. Спорные вопросы всегда решала моя бабушка, причем так, что все оставались довольны — обиженных не было: как ей это удавалось, не знаю. Почему мне так нравились кегли? Я с детства тяготела к гармонии и монохромности, а это присутствовало в данной игре с избытком.

Менее любимой, чем кегли, был у меня крокет. И я теперь понимаю почему: если в кеглях требовалось поражать, сбивать, то в крокете, наоборот, следовало провести шарик через «арку», не опрокинув и не задев ее, и затем забить в «футбольные» воро-та. Арки и ворота были металлические, тоненькие, на «ножках»-подставках, молото-чек деревянный, резной и достаточно тяжелый, шарики красные, белые, голубые — деревянные, полированные, величиной с незрелое яблоко-завязь. Эта игра комбини-рованного типа совмещала элементы бильярда, футбола и хоккея. Я не слишком хо-рошо играла в крокет, но любила расставлять воротца и вести учет удачным и неуда-чным ходам. Если в кегли интереснее было играть командами, то с крокетом вполне можно было заниматься одному.

Парные картинки

«Парные картинки» — детская разновидность карт. Игры с ними можно было при-думывать самые разные, но с одним условием: найти своей картинке пару. В отли-чие от карт в «картинках» отсутствовало деление по старшинству («дама» покрыва-ет «валета», а ее — «король», а того — «туз», так же и с цифрами). Что изображалось на «картинках»? Кукла, горн, барабан, галстук (пионерский!), мячик, волчок, иголка с ниткой, карандаш, ручка — и еще многое другое. То есть направленность их явля-лась «дошкольно-пионерской». Игра эта нравилась всем — кому-то потому, что удер-живала его еще в быстро пролетавшем детстве, кому-то (мальчишкам) в предчувствии юности, когда на кладбище дулись в карты, «запивая» их пивком с воблой.

Рыбки на магнит

Отлично помню еще одну настольную игру. Называлась она «Поймай рыбку». Она представляла собой картонное раскладное поле, изображавшее дно аквариума. На него ставилась «загородка» — стенки, но не прозрачные, на них присутствовала разнообразная морская и речная тематика. Игрок имел удочку, состоявшую из палочки, веревочки и прикрепленного к ней на свободном конце магнита. В аквариум высыпались картонные рыбки с маленькими магнитиками. Играющий старался, не заглядывая внутрь аквариума, поймать рыбку.

Рыбки различались по ранжиру, каждая имела свои «очки». Некоторых было по две или по три. Но самые важные персоны — сом, осетр, форель, карп — в единственном числе. Для хохмы существовали и другие «трофеи» — рваный башмак, пустая консервная банка, порожняя бутылка. Вытащив нечто подобное, игрок терял все свои накопленные ранее очки. К тому же ему предстояло придумать историю про этот посторонний предмет: вообразить, какому человеку принадлежал ранее башмак, угадать содержимое консервной банки, «поместить» в бутылку письмо — послание. Позже мы стали придумывать истории и для пойманных рыбок: где они плавали, как их можно приготовить, сколько они стоят в магазине и на рынке, видели ли мы их в живой природе и т. п. Мне очень нравилась эта игра, может, потому, что для нее не требовалась компания — с возрастом я стала тяготеть к одиночеству. И это вполне объяснимо: мои родители были занятыми научными работниками и не всегда могли уделить мне время, на бабушке же был весь дом.

Моей любимой картонной рыбкой был сом. Самое удивительное, что сом стал впоследствии любимой рыбкой моего уже взрослого сына, тоже в аквариумном варианте, но только одушевленном. У меня же дома имелись и живые рыбки, но к этой истории мы вернемся немного позже. Вот так я и сидела на диване с удочкой и чувствовала себя хорошо и спокойно — эта игра, как ни одна другая, давала мне уверенность в собственных силах.

Калейдоскоп и мозаика

Времена меняются, появляются новые игры, но, наверное, никогда не уйдут из детства калейдоскоп и мозаика. Отлично помню свою мозаику и те «картины», которые я вместе с мамой из нее выкладывала. Она, конечно, не отличалась таким разнообразием представленных на образцах сюжетов, как современные мозаики, но на «подсказках» можно было видеть и зайца, и куклу, и птичку — все это представляли возможности мозаики. Кроме того, играющий имел возможность выбрать свой собственный сюжет.

Калейдоскоп являлся одной из моих любимых игр, и то, что он в конце концов разбился, стало для меня настоящей трагедией. Я долго хранила разноцветные стеклышки, из коих, увы, уже не складывались узоры. Вообще же, надо сказать, что другие мои настольные игры содержались очень аккуратно, и в том, что они «дошли» до детства моего сына в отличном состоянии, заслуга, конечно, опять же моей бабушки.

Головоломки, снежинки, бумажные куклы и бильбоке

Пазлов как таковых в моем детстве не было, но существовала их «предтеча», правда, очень скромная и малопопулярная.

Когда я стала постарше, кто-то из родственников подарил мне «головоломки». Они хранились в простой картонной коробочке, не очень большой. Состояли «головоломки» из пластмассовых колечек, металлической спирали и маленьких пластмассовых шариков, соединенных кожаными хомутиками. Головоломок было несколько, и каждая причудливо переплетена. Следовало распутать их, не повредив. С головоломками я потерпела неудачу — с логикой у меня явно были нелады. В результате игра эта «перешла» к папе, который быстро с ней справился.

Еще хочу сказать пару слов об играх, вырабатывающих усидчивость и терпение. Сейчас в детских садах очень популярны лепка и рисование цветными мелками. Цветные мелки были и в период моего детства, но считались особым раритетом, пластилин же — игра традиционная. Глядя на композиции, создаваемые моими внуками, я могу увидеть достойный пример эволюции — у нас было все скромнее. Помню коробочки с брикетиками пластилина — мрачных, скучных цветов — делать что-то из них не хотелось.

Зато как веселы были снежинки и салфеточки, которые предлагалось вырезать из белого тетрадного листа в клеточку! Трафареты были собраны в специальной книге — я ее отлично помню; на синей обложке — белая снежинка. Игра эта была связана с ожиданием прихода Нового года, бумажными снежинками украшались окна, за которыми падали уже настоящие, живые снежинки. Сразу вспоминается «Щелкунчик», Мари Штальбаум в розовом кисейном платье и Дроссельмеер в черном плаще в исполнении Никиты Долгушина. Театр оперы и балета имени С. М. Кирова (ныне Мариинский) на зимние каникулы отдавался детям.

Вырезыванием снежинок занимались в основном девочки, но еще более «девчоночьей» была игра, которую я постараюсь описать сейчас. «Одень куклу» — так, кажется, она называлась. На листах плотной бумаги были нарисованы фигуры: девочки, мальчика, мамы, папы и ребенка. Все они — в трусиках и открытой майке (девочки) или без нее (мальчики). На листах бумаги потоньше изображалась различная одежда: например, для девочки — юбка и кофта, платье, сарафан, пальто, плащ, шубка, шапка, панамка, косынка. Обувь — сандалии, ботинки, сапоги, балетки и т. п. Следовало вырезать эту одежду и обувь вместе с пририсованными к ней защипами и закрепить на кукле. К бумажным куклам приклеивались специальные подставки, так что фигурки могли стоять вертикально.

С куклами я разыгрывала разные сценки. Например, «одевала» девочку и мальчика в школьную форму, «повязывала» пионерские галстуки, у них был сбор отряда, который проводил учитель, одетый в темно-синий костюм. В это время мама отводила малыша в детсад, где его переодевали в голубой комбинезон, а сама она надевала кокетливую шляпку и летнее платье и шла в поликлинику, где облачалась в белый халат: женщина работала участковым врачом. Игра эта на самом деле очень старая, в нее играли еще несколько веков назад, просто мода менялась с течением лет, но не менялась суть этой игры — она очень хорошо отражала свое время.

Помню, года четыре назад я готовила очерк об одной блокаднице, жившей неподалеку. В блокаду ей было пять лет. И она с энтузиазмом рассказывала мне, что, будучи целый день предоставлена самой себе, она с увлечением часами (!) играла в эту игру, заменявшую ей счастливые времена мирной жизни и сокращавшую долгую разлуку с мамой, служившей в ПВО.

Очень я любила игру бильбоке, думаю, еще более старую, чем ранее описанная. Бильбоке состояло из деревянной палочки, один конец которой был заострен, а к другому прикреплялась деревянная чашечка. Посередине палочки на относительно длинном канатике закреплялся шарик с дырочкой. Надо было либо «надеть» шарик на

острие палочки, либо «поймать» его в чашечку на другом конце палочки. Обе операции достигались путем подбрасывания шарика. «Улететь» он никуда не мог, так как был закреплён на верёвочке. Эта игра развивала ловкость, глазомер, координацию движений. Первый вариант оказался мне совершенно недоступен, второй — порой удачен. Зато мой друг Никита (о котором я скажу ниже) был очень искусен в игре бильбоке, вызывающая недоумение и зависть окружающих.

Маша и Мэри

На примере игр и игрушек можно проследить характер эпохи: они отражали политику. Приведу только один пример. Во времена моего детства очень популярна была песня «Дети разных народов». И они у меня были, эти «дети» — в виде пластмассовых маленьких кукулят. Узбечка и таджик, эскимос и грузинка, испанец и француженка... Я хранила их в специальной коробке и, когда оставалась дома с мамой, чтобы ей не мешать, устраивалась на ковре на полу возле ее секретера и расставляла свое «воинство» парами.

Моей любимой парой были русская девочка Маша и негритяночка Мэри. Маша — в голубом сарафане с длинной русой косой; Мэри — в широкой короткой красной юбке и белой открытой кофточке с рукавами-фонариками. Было мне тогда лет пять. Я уже занималась английским языком в группе детей, чьи родители состояли членами Дома ученых, и пыталась «озвучить» роль Мэри на ее родном языке. Парой Маша — Мэри я протестовала против «холодной войны» и надеялась на советско-американскую дружбу.

Валя. Пупс

Когда я кому-то рассказываю, что у меня сохранилась дружба более чем шестидесятилетней давности, собеседники мои качают головой: разве такое возможно? Правда, ряды моих друзей детства постоянно и неуклонно редеют. Аня Ш. уже более двадцати лет проживает с семьей в Германии. Оля С. еще раньше уехала в Америку. Ляля С. и Аленка Л. умерли. Женя Р. и Наденька П. живут до сих пор в Воейкове, но мы лишь здороваемся при встрече. Прекрасная дружба связывает меня с другими детьми обсерваторцев — Леной Р. и Ирой Г., но она относится уже ко временам более поздним — юности, зрелости. А я хочу сказать здесь о подруге, такой же старинной, как Оля К., — это Валя Б. (Лера).

Мама Вали в молодости являлась аспиранткой моего дедушки Николая Николаевича, о котором я уже говорила. Знакомство завязалось еще в Павловске и «перешло» в воейковское. До того как семья Вали стала обладателем такого же, как и у нас, сборно-щитового дома и участка, она жила в Воейкове в разных местах. Но мне хорошо запомнилось одно.

Крутая деревянная лестница вела на второй этаж большого, немного мрачного и оттого загадочного деревянного же дома, крашенного не то в коричневый, не то в темно-бордовый цвет. В мансардном помещении находилось «царство» двух совершенно прелестных существ — сестричек Вали и Нины. Разница между ними была в четыре года, Валя была младшей.

Мама Вали вышла замуж за грузина, правда уже прочно связанного с Ленинградом. Но грузинские корни в его дочерях чувствовались. Позже, когда я с увлечением читала «Витязя в тигровой шкуре», я всегда вспоминала Валу — медлительность и пла-

ность ее движений, взор карих глаз с поволокой, крупные кольца темных кудрей — да, она была самая красивая из нас, девочек, а позже — барышень.

У Вали в доме стояла большая клетка, где высоко на перекладинах сидели волнистые попугайчики, один голубой, другой — желто-зеленый. Они были неговорящие, но щебетали изумительно, приковывая всеобщее внимание. Они и развлекали гостей и одновременно отвлекали их от Вали, маленькой хозяйки своего детского царства, что ей не очень нравилось. Тогда она подходила к клетке и накрывала ее легкой тканью, чем-то вроде узбекского сюзане, говоря: «Все. Спокойной ночи».

Не помню, когда именно у Вали появились попугайчики, но Пупс появился гораздо раньше. Как-то, поднимаясь по лестнице в Валин мезонин в Воейкове, я увидела на смотровом окошке... ребенка. Это был мальчик, одетый во все голубое: голубую распашонку, вязаные голубые с белым кантом пинетки, голубой чепчик. Он лежал на голубой пеленке, а рядом с ним покоился голубой колокольчик.

Я остановилась на полпути и как завороженная смотрела на малыша, который лежал совершенно спокойно, уставившись в потолок широко открытыми глазами с длинными темными ресницами. Я замерла, боясь потревожить это милое создание. Так я стояла пару минут. Малыш не двигался, не менял позы, не моргал, не издавал никаких звуков... — да это же кукла! Сейчас таких «натуральных» игрушек пруд пруди, но во времена моего детства они являлись большой редкостью и роскошью, которую мало кто мог себе позволить. Я осторожно приблизилась к кукле и провела рукой по ее тельцу. «Ма -ма», — сказал мне Пупс по слогам, и я счастливо засмеялась: игра была принята.

Наверху показалась Валя, которая, оказываясь, молча наблюдала всю сцену моего приобщения. «Можно мне взять его?» — робко спросила я. «Конечно, Татка, бери — неси его наверх, его надо покормить», — Валя протягивала мне руку, и я, взяв Пупса, поднялась к ней в комнату. Там Валя показала мне гардероб своей любимой (а она просто не могла быть другой!) игрушки. Ползунки, распашонки, чепчики, простынки, подушечки — все было сложено в идеальном порядке. Сейчас я подумала, что моя подруга уже с детства готовила себя к роли многодетной мамы, коей она впоследствии и стала, но тогда, конечно, такие мысли не могли прийти мне в голову.

«Хочешь поиграть?» — спросила Валя и, видя мое замешательство, протянула мне искусно имитированный рожок с молоком — у Пупса было целое хозяйство! «А впрочем, нет, сейчас мы его искупаем ...» Но тут в комнату вошла мама Вали и что-то ей сказала. Такое, что она тут же забыла и про Пупса, и про меня. Я вовсе не обиделась — маму нужно слушаться — Валя махнула мне рукой, тем самым давая знак, что сегодняшней мой визит завершен. Я перевернула Пупса, на что услышала что-то среднее между «ау» и «мяу», посадила его на детский стульчик, погладила по голове и, поцеловав на прощание, осторожно спустилась вниз по лестнице. Внизу уже стояли Нина в открытом сарафане и Валя в розовой кофточке и плиссированной юбочке — им достали билеты в цирк!

Мне ничего не оставалось, как поклониться им и их дому и подумать о Пупсе, который на несколько часов будет предоставлен сам себе.

Идя домой, я размышляла о том, что я придумала для Пупса в следующий мой приход, и сожалела, что многие мои куклы сгорели в соседнем доме, когда там был пожар — я приходила к Оле С. играть, и хозяйство наше находилось на чердаке, а он выгорел дотла.

Как это ни покажется странным, я не помню более поздних своих игр с Валиным Пупсом — видимо, разгадав его «загадку», я совершенно утратила к нему интерес,

сохранив в памяти лишь ту «картинку» нашей первой встречи, которая так поразила мое детское воображение.

Никита

Никита не входил в нашу почти исключительно девичью компанию, мы жили в Воейкове, его семья в соседнем селе — Кирполье. На самом деле расстояние между этими селами очень небольшое, к тому же с Никитой был случай совершенно особый: его семья проживала в городе не просто на одной улице, не только в одном доме, но и на одной лестнице с нами. Родители Никиты не работали в обсерватории, они были преподавателями Политеха, но опосредованно были связаны с воейковцами-обсерваторцами и многих знали.

Никита получил в детстве отличную спортивную закалку: он хорошо катался на лыжах, прекрасно плавал, но любимом видом спорта являлся для него велосипед. Насколько я помню, дружба с Никитой началась несколько позже, чем дружба с воейковскими девочками. Однако он так не считает, приводя шуточный пример: «Мы с тобой, Таточка, познакомились еще до рождения — наши мамы ходили в одну и ту же женскую консультацию!» Несколько лет назад Никита подарил мне свою книгу (она называлась «О моей вере» и была связана с богоискательством), в ней он сделал надпись: «Моей старинной подруге». Меня особенно тронуло, что он написал не «старой», а именно «старинной».

Дом Никиты в Кирполье частично перестроен, но он сохранился с тех далеких времен. Мой друг с супругой проживают сейчас там уже постоянно. В свои нечастые визиты я всегда вспоминаю светлый мир нашего с Никитой детства и Никитиных родителей, которые покоятся на сельском кладбище недалеко от моих. Они были дружны, и такое невольное кладбищенское соседство представляется мне глубоко символичным.

Что же запомнилось больше всего? Ответ однозначен: Рождество в доме Никиты.

Мы уже оба школьники и зимние каникулы проводим на дачах — я в Воейкове, Никита — в Кирполье. Рождественский вечер. Я с бабушкой иду по заснеженной дороге из Воейкова в Кирполье. Дорога расчищена плохо, но утоптана десятками проходивших здесь днем людей, и только большие сугробы по краям говорят путнику, «как могло бы быть». Задувает ветер, раскачивая редкие придорожные фонари, и они бросают косые полосы янтарного света на искрящееся и хрустящее под ногами снежное пространство. В придорожных домах воют псы, и мне немножечко жутко, но я стараюсь не подавать виду и только крепче вцепляюсь в бабушкину руку чуть ниже локтя. Бабушка что-то мне говорит, чтобы отогнать мои страхи: она, конечно же, давно догадалась о моем состоянии — ну вот мы и у цели. Дверь распахнута, в проеме стоит Никитин папа. Из кухни доносятся невообразимые ароматы — неужели настоящий рождественский гусь?

Мы с бабушкой заходим в комнату. Елка украшена флажками, бусами, шарами, конфетами, мандаринами и «позолоченными» грецкими орехами; на макушке сияет пятиконечная звезда — вот таков он, наш «сельский Вифлеем». Мама Никиты зовет всех к столу. Нас собралось человек семь местных детишек. Стол нас, конечно, привлекает, но ненадолго, Мы ждем, когда загорятся свечи (где ты, техника безопасности?!). Простые белые свечи в подсвечниках, которые крепились на елках, видимо, еще во времена детства Никитиной мамы, радуют нас невероятно, и мы хлопаем в ладоши.

Но все ждут главного события — гадания. Не «крещенский вечерок», но для нас хорош и рождественский. Мама Никиты приносит белый табурет и ставит на него

большой таз. Мы наполняем его водой. На края таза прикрепляются свернутые в трубочку бумажки, внутри которых написано, что тебя ждет в ближайшем и отдаленном будущем. С елки снимаются орехи, в расколотые скорлупки вставляются зажженные свечи, и «кораблик» спускается на воду. Пустивший его с нетерпением ждет, куда он пристанет, иногда пытаясь изобразить с помощью пальца волнение в тазике. Раскрываем записку. «Предсказания» самые разные: кому-то много детей, другому — повидать мир, третьему — себя показать. Мне досталось что-то о любви к животным, и ведь сбылось! Кирпольской девочке Тане — успехи за границей. Не знаю, были ли успехи, но она уже давно живет в Финляндии. Все довольны, плохих предсказаний просто нет. Мы беремся за руки, водим хоровод и довольно складно поем «В лесу родилась елочка». И тут, у Никиты, компания наша в основном девчачья — что поделаешь, сильная половина человечества обычно в дефиците. А елки эти запомнились и хранятся в памяти уже более 60 лет...

...Вот мы, распаренные и счастливые, выбегаем в сад. Мороз крепчает и зацеловывает щеки. В руках у главы семейства бенгальский огонь. Кто-то хлопнул хлопущкой и надел маску... медведя, оказавшуюся внутри.

Мы с бабушкой прощаемся и уходим — нам предстоит самый дальний путь. На повороте я оглядываюсь — все собрались вместе и машут нам рукой, я машу им в ответ.

...Небо ясно, и ковш Большой Медведицы помогает нам не сбиться с пути. С пути жизни.

Оля Я.

Не всякая детская дружба, однако, имела столь радужное продолжение. Но я просто не могу не сказать здесь о подруге детства, дружба с которой так и не достигла порога юности. Родители Оли Я., как и Валины, и Оли К., тоже были обсерваторцами. Но в отличие от нас всех Оля была им не родная, а приемная дочка. Однако это обстоятельство тщательно скрывалось. И сделать это было нетрудно: Оля как две капли воды походила на своего приемного отца. Как и мама Вали, папа Оли Я. являлся в свое время аспирантом моего дедушки. Он слыл очень способным и разносторонне развитым человеком: знал три иностранных языка, причем свободно переходил с одного на другой, мог быстро починить любой прибор (в том числе и собственный «москвич»), был талантливым изобретателем и помимо геофизического образования имел еще и биологическое. Все перечисленные выше качества делали его совершенно неотразимым в глазах воейковской детворы.

Его жена вскоре после войны ушла с работы, посвятив себя дому. Как и другие обсерваторцы, семья Я-ских сменила в Воейкове несколько мест жительства, пока Хозяин не построил сам (а было ему тогда уже 70 лет) на отведенном ему обсерваторией участке летний дом с верандой. Помню чудесное время, проведенное на этой веранде, когда мы, дети, собирались у Шурочки (так все, от мала до велика, звали Ал-ру Петр.) и угощались горячими еще пирожками с клубникой, которые Шурочка пекла в чудо-печке.

Нельзя сказать, что приемные родители уделяли Оле мало внимания или же изолировали ее, лишив детской компании, но наши игры с Олей Я., поначалу весьма безобидные, с течением времени стали приобретать все более «взрослый» (в плохом смысле этого слова) характер. Видимо, сказывалось то, что Оля родилась, по слухам, от четырнадцатилетней девчонки. Дурные гены, огонек которых в раннем детстве чуть теплился, разыгрались в полную силу, когда Ольге стала известна тайна ее происхождения (постарались «добрые люди»). Но память почти стерла события того

финального нашего с Ольгой дружеского периода, сохранив в неприкосновенности предыдущий, полный радости и беззаботности.

Не Шурочка, не мои родители, а именно Олин приемный отец и моя бабушка стоят в центре этой так грустно закончившейся истории. Олин папа был выдумщик и фантазер, чего только он с нами не вытворял! Он сажал нас в свой «москвич» и вез на Коркинское озеро, расположенное в лесу, в нескольких километрах от поселка. Олин папа отлично фотографировал, и сохранились снимки наших купаний: я боязливо жмусь к ногам Шурочки, Ольга, у которой из одежды одна панамка на голове, лихо сдвинутая на бок, смело плещет на меня холодной озерной водой. У нас рядом с поселком имелись еще озера, но мелкий песчаный берег был только у Коркинского, и оно по праву считалось лучшим. Хоть недаленная поездка и не занимала много времени, родители Оли брали сладкий чай или морс и бутерброды. Мы стелили одеяло на берегу и устраивали пикник. Ну да, для нас это была целая вылазка-экспедиция. Детишек иногда набивалась целая машина. На обратном пути пели песни, открывали все окна машины и, покрывшись налетом придорожной пыли, довольные и счастливые, возвращались обратно в Воейково.

Но было у нас с Олей Я. увлечение, которое считалось только нашим. Мы ловили и коллекционировали бабочек, выращивали и «закукливали» гусениц, бабушка и Шурочка шили нам специальные сачки, у которых в отличие от покупных кончик был не острый. Дело в том, что все у нас было на полном серьезе, мы запаслись популярными книгами, где говорилось, как и чем кормить гусениц, когда и где лучше ловить бабочек, как их сажать сначала в морилку, а потом в расправилку (руководил всем Олин папа, вот так неожиданно пригодилось его биологическое образование). Но и мои родители не стояли в стороне. Из Москвы папа привез мне «Маленький атлас бабочек», а мама купила книжку про Маакова махаона.

Из этой книжки я узнала, что махаон этот водится на острове Мадагаскар, нашла этот остров на карте и решила, что, когда вырасту, обязательно поеду туда на поиски самой крупной на свете бабочки. Одна женщина, большой друг нашей семьи, даже написала мне на 1 сентября стихи: «Быть энтомологом, конечно, мы пожелать тебе хотим. Но только помни, не годится быть энтомологом плохим. Учиться много, много надо, забыть на долгие года, что есть на свете двойки-тройки, дружить с „отлично“ лишь всегда!» Двоек и троек у меня, правда, было мало, но я стала не энтомологом, а филологом. Работая в газете, в том числе и корректором, я как-то услышала от своей коллеги: «Вам бы энтомологом быть, вы бы наверняка какую-то „лишнюю“ лапку у насекомого открыли!»

Коллекции мы с Олей хранили в специальных ящиках с выдвижным стеклом. Что стало с Олиными коллекциями, я не знаю, мои же два ящика (один изготовил сосед по даче, другой мой ташкентский дедушка) хранились очень долго — как кладбище разбитых надежд.

Олю очень скоро перестали интересовать природные бабочки, и она быстро превратилась в «ночную бабочку», да-да, ту самую, о которой позже Газманов пел в своей песне «Путана». Дружбе нашей был положен резкий конец, но я не сильно переживала, что не делает мне чести: Оля ведь все мое раннее детство была моей лучшей подругой...

Кукла Моника

Моя мама была искусствоведом. В начале ее карьеры ей очень повезло: в 1960—1961 годах она стажировалась в Сорбонне. Оттуда мама привезла книги, конспекты,

справочники, что позволило ей в сорок лет защитить докторскую диссертацию, став самой молодой в СССР женщиной-искусствоведом, имеющей степень доктора наук.

А еще мама привезла мне куклу. Моника (так мы назвали вновь прибывшую) пережила долгий и непростой путь из Франции в Советский Союз. По рассказам мамы, таможенник тщательно исследовал игрушку в поисках тайников и прочего криминала. Не найдя ничего подозрительного, он нехотя пропустил молодую женщину. Моника улеглась в специальную коробку. На кукле были сарафанчик салатного цвета в полоску и белая блузка с короткими рукавами. На шее — маленький «золотой» медальон. Моника была резиновая, с великолепной прической и большими глазами с длинными ресницами, которые закрывались, когда она лежала. На юбочке внизу — надпись на французском: «Я сплю». Кукла наделала в Ленинграде много шума — в начале 60-х подобных игрушек у нас не было. Моника была прелестна — в ней чувствовалось изящество истинной француженки. Эффект ее появления можно сравнить, пожалуй, лишь с тем впечатлением, которое произвел в начале 70-х тролль из папье-маше, привезенный мною из Норвегии. Моника хранится у меня дома до сих пор, тролль же перешел во владения сына и внуков.

Сказать, что я любила Моника, значит не сказать ничего — я боготворила ее. Я сшила ей несколько костюмов, но так и не решилась нарядить ее в них. Моника осталась в своем французском одеянии — лучшего для нее просто было не придумать. Я бережно хранила свою куклу и всегда вспоминала рассказ мамы, которой в детстве папа привез из Франции целлулоидную куклу с «настоящими» волосами и закрывающимися голубыми глазами. Дело в том, что моя бабушка, когда ее дочка немного подросла, отдала все ее игрушки в павловский детский сад. Мама-девочка взмолилась: «Пожалуйста, оставь мне только Любочку!» (имя кукле дали не французское), и бабушка не стала огорчать своего подросткового ребенка. К сожалению, у Любочки судьба не сложилась так счастливо, как у Моника: она погибла в оккупированном Павловске...

Впоследствии мама привозила мне из своих зарубежных поездок разных сувенирных куколок: у меня была француженка во фригийском колпаке, бельгийская кружевница, соломенная полячка, английский королевский страж Букингемского дворца, капитан Брасс из Германии, зажигательная испанка и еще целый ряд сувенирных куколок, из которых я сделала мини-экспозицию.

Краткие истории домашних питомцев

«Дети должны расти вместе с животными», — говорила одна наша соседка. Но я думаю, и без ее советов мои домочадцы понимали, что жизнь мою должны украшать какие-то зверушки. Сначала мне завели синичек и снегиря, но они быстро закончили свой земной путь. Парочка чижей дотянула до лета, и мы выпустили их в лес, что рос возле поселка Янино, по дороге к нашему дачному дому в Воейково.

Потом была черепаха. Появление ее в нашем доме было не совсем обычным. К нам на городскую квартиру приехала моя теть Наташа и торжественно поставила на стол перевязанный ленточкой торт. Я росла довольно наблюдательной и сразу заметила, что с тортиком что-то не так: коробка казалась мне бэушной, а веревочка завязанной явно самостоятельно, а не в магазине. Раскрыв коробку, я увидела черепаху! Голову и лапки она спрятала в свой панцирь и очень напомнила виденную мною ранее, кажется у той же тети Наташи, пепельницу. Я поставила черепаху на пол и налила ей в блюдечко молока. Любопытство пересилило страх перед неизвестностью, и вскоре из панциря показалась змееобразная голова и высунулись четыре лапки.

Коготочки были острые, и по ночам наш новоявленный домовый зацокал по квартире — ритмично и методично. Летом мы вывезли черепашку на дачу и поместили в большой картонной коробке, постелив ей сено в качестве «одеяла». Прогуливали мы ее в детской песочнице, и плутовка прорыла ход и удрала. Я долго оставалась безутешной и искала свою подопечную по всему участку, но тщетно — питомица исчезла.

Мои родители поняли, что мне нужно что-то, что не может убежать или улететь, и лучше — неозвученное, и они остановили свой выбор на рыбках. К тому же они посчитали, что рыбки не смогут уплыть: они замкнуты в ограниченном пространстве аквариума. Но и здесь нас всех ждал неприятный сюрприз. В один, отнюдь не прекрасный день рыбки стали плавать брюхом вверх. Я находилась в это время в школе, и родители мои срочно поехали в зоомагазин, чтобы осуществить подмену таким образом, что я бы ничего не заметила. Но как назло, в этот день выбор был очень ограниченным, и маленьких рыбок (и того же вида, что у меня был, и вообще других) не оказалось, и родители приобрели больших, размером чуть ли не с карасика. Когда я вернулась из школы, родители сказали мне, что рыбки мои просто подросли, и наивный и глуповатый ребенок поверил. Я вообще в раннем детстве была очень доверчива, и обвести меня вокруг пальца не составляло большого труда. Так, например, я долго верила, что глазированный сырок в шоколаде — это мороженое, просто растаявшее.

Так вот, о рыбках. Я посчитала, что раз мои рыбки стали взрослыми, им пора пускаться в большое плавание. Стоял сентябрь, и уличные водоемы в городе еще не замерзли. Пересадив рыбок в банку с водой, я отправилась в Таврический сад (он рядом с моим городским домом) и выпустила своих пленниц в пруд, помахав им на прощание ручкой. Я верила, что для них пруд Таврического — большой океан и там им будет хорошо.

Кот Кишай ознаменовал мой постепенный переход из детства в юность. Мой папа был родом из Ташкента, его отец, как и отец моей мамы, тоже был метеорологом, и в Средней Азии достаточно известным. Папа оказался в Ленинграде, когда еще не кончилась война: в Ташкенте он поступил в эвакуированный из Ленинграда Институт авиаприборостроения, который потом вернулся обратно в город на Неве. Переехал в Ленинград и папа — продолжать учебу. Жизнь в общежитии, по-видимому, была несладкой, а тут еще послевоенное время — в общем, родители-ташкентцы порекомендовали моему будущему папе «заходить к своим давним (еще по довоенному Павловску) знакомым». Это была семья моей мамы. «Походы» закончились свадьбой, и папа стал ленинградцем. А его родители остались жить в Ташкенте. Папа очень тосковал и каждое лето ездил к ним. Иногда вместе с мамой, часто со мной.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, родители оставили меня на сентябрь с моими ташкентскими бабушкой и дедушкой (со школой смогла договориться моя ленинградская бабушка). В доме у бабы Лены и деды Вени жила кошка Пуся, которая в мою бытность там как раз окотилась. Согласовав по телефону вопрос с ленинградской бабушкой, я привезла в нашу квартиру на Тверской совершенно очаровательное маленькое существо бухарской породы (аналог нашей сибирской). Мы везли его на самолете, в Свердловске самолет задержался, и мой котенок чуть не убежал. Я неосмотрительно выпустила его погулять, и он пролез за ограждение. Хорошо, что у меня были тонкие руки, и я смогла просунуть их за решетку и поймать беглеца. Один пассажир тогда сказал, увидев у меня на руках котенка: «Вот из-за этого кота нам никак не дают взлет». Мне было не до споров с ним: я крепко прижимала к груди свое сокровище, на транспортировку которого в те времена еще не требовалось оформлять специальные документы и брать переноску,

Долго мы не могли подобрать коту имя: Дымка, Серый — победило, не помню откуда взявшееся, Кишай. Котенок стал всеобщим любимцем и прожил семнадцать лет, тем самым «сопроводив» меня не только по юности, но и в более зрелые годы. Больше всех Кишай любил моего папу, часто устраиваясь у него на коленях во время просмотра телепередач. Кишай спал на подстилке под кухонным столом, возле батареи. Летом он вывозился на дачу, где поначалу исчез с участка и вернулся только через пять дней. Он сидел на крыше нашего гаража и имел вид совершенно дикий. Однако это оказалось всего лишь эпизодом из его последующей долгой и счастливой жизни. Кишай был вальяжный и изнеженный, за что получил от моей няни кличку «Барин номер два» (под «номером один» шел мой папа). Потом в нашем доме жили еще два кота, но это были уже животные, которых приглубил мой сын.

Эпилог

Хорошее у меня было детство — не босоное, но безоблачное, наполненное разными интересными (для нас, детей) событиями: от «кукольных чаепитий» до шитья одинаковых ночных рубашек, от концерта для родителей до занятий английским языком в группе «при клубе».

Я вовсе не против того, как проводят свое время мои внуки (сын перестроил дачный дом, и его семья живет там круглый год), но мои детские затеи кажутся мне сейчас проще, естественней и интересней.

Зимой мы рьяно катались на лыжах: каждые выходные, зимние и весенние каникулы, праздничные дни мы проводили на даче. Парового отопления у нас не было, согревались у чугунной плиты, на ней же разогревали еду и сушили на «плечиках» промокшее от пота лыжное исподнее. Вся жизнь сосредотачивалась на кухне, которая была для всего этого достаточно просторной. Привезенные из города бутерброды шли на ура вприкуску с заготовленными летом папой самодельными маринованными овощными и грибными ассорти. У нас были свои заповедные места, которым папа придумывал названия: «Пупин гроу» («папин гроб» — там папа всегда падал), «Царская тропа», «Домик лесника» (лесника там и в помине не было).

Хорошо, что есть память, и она хранит все то доброе, светлое — СЧАСТЛИВОЕ, которого, конечно же, в детстве всегда больше, чем скучного и неприятного.